

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Пронина Максима Вячеславовича

«Категория поэтического языка

(на материале ленинградской и московской неподцензурной поэзии)»,

представленной на соискание учёной степени кандидата наук

по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Диссертация Максима Вячеславовича Пронина посвящена общетеоретической проблеме поэтического языка, которая решается на основе изучения сложного для литературоведческого анализа материала – русской неподцензурной поэзии позднесоветского периода.

Актуальность избранной автором темы не подлежит сомнению. Несмотря на то, что многие исследователи (А.А.Потебня, М.М.Бахтин, В.Н.Волошинов, Р.О.Якобсон, Ю.Н.Тынянов, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Ю.М.Лотман, М.И.Шапир и др.) так или иначе занимались категорией поэтического языка с конца XIX века по настоящее время, конвенциональные представления об этом феномене в отечественной науке до сих пор не сложились. Изначально решение этой проблемы осуществлялось путём формирования представлений о языковой норме, но уже с 1920-х годов исследователи всё чаще стали исходить из предположения о том, что поэтический язык есть в определённом смысле аномалия, отступление от норм естественного языка, или даже является результатом создания некой новой, трансформированной, окказиональной нормы. Именно этой идейной линии придерживается в своём труде и М.В.Пронин.

Проблематика, за изучение которой взялся диссертант, требовала от исследователя широкого культурного кругозора, глубокого знания по теории литературы и русской поэзии второй половины XX века, а также ряда трудов по лингвистике и эстетике, тонкого понимания поэтического слова и способности делать социокультурные обобщения на основе анализа большого объёма гетерогенных данных. Всё это представлено в диссертации, поэтому с полным

основанием можно говорить о том, что перед нами работа, выходящая за рамки квалификационной.

К основным достижениям диссертанта можно отнести следующие.

Во-первых, он доказательно установил, что поэтический язык – не умозрительный интеллектуальный конструкт, а реально существующая категория, весьма отличная от категории естественного языка. Во-вторых, он убедительно показал, что поэтический язык является категорией исторически изменчивой, но при этом почти всегда находящейся в эстетически продуктивной оппозиции к общезыковой норме. И, в-третьих, на основе анализа множества эмпирических данных он продемонстрировал сложность категории поэтического языка не только в диахронии, но и в синхронии: даже авторы-современники могут параллельно разрабатывать различные, а порой и эстетически диаметрально противоположные поэтические идеолекты, причём дифференциация художественных практик по мере развития и усложнения национальной литературы внутри неё возрастает.

Методологически перспективным представляется применение диссертантом понятия «минус-приёма», введённого в науку Ю.М.Лотманом, при установлении отношения художественных практик ленинградского и московского андеграунда к подцензурной поэзии и литературе вообще.

В начале своей работы М.В.Пронин выдвигает гипотезу о том, что деятельность значительной части авторов андеграунда являлась не просто «минус-приёмом», а по сути «минус-языком» по отношению к разрешённой в официальном пространстве советской печати словесности. Неподцензурные авторы в своём большинстве сознательно и систематично отклонялись и от языкового узуса, и от более или менее нормативной, в той или иной степени «гармоничной», стилистики, и от допустимых в подцензурной литературе тем. Весь дальнейший анализ внушительного массива поэтических текстов, проведённый в диссертации, убедительно подтверждает это предположение.

Некоторые существенно важные научные результаты работы можно было бы квалифицировать как парадоксально отрицательные – разумеется, не в смысле их малой познавательной ценности, а в смысле обнаружения М.В.Прониным отсутствия единых эстетических принципов у представителей неподцензурной

литературы. Так, диссертант приходит к обоснованному выводу, что составить словарь языка наиболее самобытных деятелей литературного андеграунда не представляется возможным – во всяком случае, на нынешнем этапе развития филологической науки. Вот так выглядит авторский вывод относительно ленинградской части изучаемого материала: «(...) главными их методами являются нарушения, искажения, пародирования существующих средств (...) [естественных – А.С.] языков, создание малопонятной буквенной абракадабры, для которых создать какую-либо словарную статью попросту невозможно (...). Петербургский андеграунд также не является сплочённой группой, авторы действовали или разрозненными небольшими (неформальными) объединениями, или сами по себе, в связи с чем невозможно взять и объединить под такой обложкой весь задействованный ими словесный материал» (с. 113). А вот итог изучения М.В.Прониным материала по московской части: «(...) можно сделать вывод, что, как и в случае с ленинградскими авторами, нельзя говорить о некоем инварианте или же едином поэтическом идиолекте для представителей московского андеграунда. Взамен снова имеет смысл говорить о группе разных идиолектов со своими, индивидуальными особенностями, которые могут встречаться у одного и почти никак не проявляться у кого-то другого (с. 357). Далее М.В.Пронин предпочитает выделять конкретные идеолекты того или иного автора («идеолект Пригова ... Рубинштейна ... Кибирова» (с. 357-358) и др.), чем искать трудноуловимое единство между ними.

Концепция работы М.В.Пронина не вызывает принципиальных возражений. Однако, подобно едва ли не всякому литературоведческому исследованию, посвящённому острым и дискуссионным вопросам, в ней встречаются спорные места и положения. Поэтому нижеследующие соображения являются приглашением к обсуждению обнаруженных нами «проблемных зон».

Диссертант отмечает, что «Литературный язык является основой для художественного, но язык художественной литературы будет отличаться большей лаконичностью, образностью и выразительностью (...)» (с. 93). Если по поводу образности и выразительности вопросов не возникает, то декларация лаконичности в качестве неперменного свойства языка художественной литературы

представляется не вполне убедительной. Хотелось бы, чтобы диссертант истолковал это утверждение.

Спорным выглядит и такой тезис: «(...) самым главным, едва ли не отличительным свойством поэтического языка, которое позволяет говорить о нём как о «минус-языке», является то, что он не обладает собственной семантикой (иными словами, собственным словарём), так как пользуется исключительно средствами как из русского, так и из всех активных ныне языков, в его рамках формируются конструкции, которые затем не приживаются и по большей степени не повторяются в никаких других художественных текстах» (с. 111).

Можно ли утверждать, что поэтические языки разных авторов (поэтические идеолекты) никогда и ни при каких условиях не влияют один на другой, и, в частности, отдельные индивидуальные авторские конструкции в принципе не могут прижиться в творчестве других авторов? На наш взгляд, это чересчур категоричное суждение, даже по отношению к литературе авангарда с его культом индивидуализма и оригинальности формы. В пределе подобный подход к художественным текстам отрицает идею традиции и литературной эволюции. Поскольку диссертант не мог выступать с нигилистических позиций, здесь имеет место некоторая неточность формулировки – хотелось бы её устранить.

Работа М.В.Пронина показывает, что ленинградский андеграунд был более художественно радикален и испытывал большее тяготение к авангардным практикам письма. Чем по мнению диссертанта это было обусловлено – более твёрдой, чем у москвичей, опорой на первую и вторую волну русского литературного авангарда, включая творчество обэриутов, или какими-то иными факторами?

Основная же общая претензия, которую можно адресовать диссертанту, относится не столько к сути его работы, сколько к её оформлению. С сожалением приходится констатировать, что текст диссертации отредактирован неидеально и содержит ряд речевых и стилистических странностей. Особенно это бросается в глаза во введении и заключении, где встречаются даже случаи несогласования в числе, роде или падеже: «Художественные миры этих поэтов, в отличие от их

«коллег» из ленинградского андеграунда или же московского концептуализма построена по законам красоты (...))» (с. 359, курсив мой – А.С.).

Встречаются в тексте туманные оценочные выражения («избыточная религиозность» (с. 80) – как вообще можно измерить степень религиозности того или иного автора?) или своеобразное использование терминологии, например, «дисгармоничная гармония» или «интертекстуальный контекст» (с. 100).

В работе имеются крайне индивидуальные толкования устойчивых терминов. Приведём такой пассаж: «Отсюда вытекает и столь пёстрая вариативность поднимаемых в андеграундных стихотворениях тем, не позволяющая нам сформировать некий «палимпсест» или инвариант, на который бы впоследствии могли бы быть нанизаны их тексты» (с. 80). Термин «палимпсест» здесь явно трактуется автором необоснованно расширительно, в значении «основа, фундамент», тогда как его устойчивое словоупотребление в литературоведении иное, более узкое и точное – «текст, целиком написанный поверх конкретного текста-предшественника».

На стр. 76 находим ещё одну терминологическую вольность: социалистический реализм назван жанром, хотя его принято считать методом, пусть и искусственным.

При цитировании стихотворных текстов в строку в диссертации нередко теряется знак слэш (косая черта – « / »). В результате границы строк, микрофрагментов или строф оказываются неотмеченными. Если при подобном цитировании метрических и рифмованных текстов читатель может самостоятельно найти эти границы (да и то не во всех случаях), то, например, при таком воспроизведении верлибров границы внутри стихотворного текста не определяемы в принципе.

При цитировании поэтических текстов, как классических, так и современных, в диссертации зачастую нет постраничных ссылок на источники (например, на стр. 103, 169, 195, 268, 269 и др.). В частности, на стр. 231 и 232 воспроизводятся визуально сложно организованные графические стихи В.И.Эрля без ссылки на источник. В результате читатель диссертации фактически лишён возможности верифицировать точность воспроизведения художественного объекта

и вынужден принимать графику стиха на веру, доверяя исключительно автору диссертации.

Отдельный блок вопросов вызывают принципы составления библиографии работы. Так, в некоторых случаях не вполне ясна логика выбора того или иного издания. Например, творчество А.П.Цветкова (1947–2022) естественным образом вписывается М.В.Прониным в общий поэтический круг поэтического объединения «Московское время». Оно возникло в начале 1970-х, и их дебютный машинописный альманах был подготовлен в 1973. Но уже в 1974 Цветков эмигрировал, и его первые три книги вышли в Америке, с 1978 по 1985 годы. Затем последовала семнадцатилетняя пауза, и после такого внушительного перерыва поэт вновь начал писать и публиковаться уже в постсоветской печати – его первая книга новых стихов вышла в России в 2006 году. Таким образом, логичным было бы при изучении общих принципов «Московского времени» обратиться в первую очередь к стихам раннего, неподцензурного Цветкова, благо они все давно переизданы в России ещё в 1990-е – начале 2000-х. Однако М.В.Пронин отчего-то указывает только две книги Цветкова, вышедшие в 2007 и 2013 годах соответственно.

Похожие вопросы по библиографии возникают и применительно к некоторым другим поэтам: так, у О.А.Седаковой в 2010 вышел репрезентативный четырёхтомник, но в списке источников указано только одно избранное поэта 2018 года. Создаётся впечатление, что автор диссертации иной раз обращался не столько к наиболее авторитетным, сколько к ситуативно доступным для него изданиям.

Также в списке использованной литературы при всей его внушительности отсутствуют упоминания некоторых важных научных изданий, соответствующих теме работы. В частности, нет двух монографий, изданных в последние годы и посвящённых непосредственно изучаемому в диссертации материалу и отчасти обсуждаемым в ней проблемам, – Ю.Б.Орлицкого «Стихосложение новейшей поэзии» (М.: ЯСК, 2021, 1016 с.) и М.Г.Павловца «Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века» (М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025, 536 с.). Кстати, вообще все работы М.Г.Павловца автор по каким-то причинам также обходит молчанием, меж тем, на сегодняшний день это один из

ведущих отечественных специалистов именно по тому материалу, который изучает М.В.Пронин, – по неподцензурной и авангардной поэзии и поэтике.

К странностям в оформлении библиографии также иногда приводит и практика активных ссылок на цифровые ресурсы, подчас в ущерб ссылкам на бумажные издания, которой придерживается автор диссертации. Так, известное исследование М.И.Шапира об эстетике небрежности в поэзии Б.Л.Пастернака публиковалось при жизни учёного в популярном виде в журнале «Новый мир» (2004) и в том же году в академическом варианте в журнале «Вопросы языкознания». М.В.Пронин ссылается на новомирскую публикацию, но в цифровом формате (т.е., без упоминания конкретных страниц). В то же время работа М.И.Шапира в максимально полном виде была включена во второй, посмертный том его избранных сочинений (2015). В диссертации есть ссылка на первый, прижизненный том изданий трудов учёного (2000) – почему был проигнорирован второй том, неизвестно.

Примеры подобных и иных особенностей оформления основного текста обсуждаемой работы и её библиографии можно было бы умножить. Каждый из таких случаев сам по себе извинителен, они не более чем мелкие небрежности, но сумма значительного количества подобных мелочей снижает общее впечатление от культуры филологического труда данной работы, – и это тем более досадно, что автор, без сомнения, способен был избавиться от всех указанных шероховатостей, если бы более тщательно отредактировал текст диссертации и обратил больше внимания на особенности её оформления.

Неидеальная редактура диссертации имеет также и одно неожиданное следствие: М.В.Пронин иногда невольно умаляет собственные достижения. Так, во введении сказано, что библиография состоит из 138 позиций, тогда как в действительности их 246 (если сложить воедино списки источников, научной литературы и электронных ресурсов). Ещё удивительней то, что в начале работы, отграничивая материал своего исследования, автор занижает его фактические количественные показатели: в тексте диссертации он обращается к изучению текстов бóльшего числа поэтов, чем изначально было заявлено. Так, помимо неподцензурных авторов М.В.Пронин на самом деле исследует в том числе и

творчество некоторых подцензурных поэтов. Весь параграф 4.2 четвёртой главы посвящён так называемым «неореалистам», к которым М.В.Пронин наряду с О.А.Седаковой относит, в частности, А.А.Тарковского, Д.С.Самойлова, А.С.Кушнера и О.Г.Чухонцева. Собственно, и формулировка темы четвёртой главы, «Поэтический идиолект деятелей московского концептуализма, неотрадиционалистов и авторов группы “Московское время”», несколько отклоняется от заявленной общей темы диссертации: поэтика легально публиковавшихся в советское время поэтов, на первый взгляд, не вписывается в логику концепции исследования. На самом деле после знакомства с параграфом становится ясно, что концептуального противоречия здесь нет, и творчество названных поэтов понадобилось М.В.Пронину для создания определённого социокультурного контраста. Но некоторое композиционное несоответствие всё же сохраняется. Опять-таки, его легко можно было бы избежать, если бы этот исследовательский ход был бы оговорён заранее во введении.

Несмотря на указанные формальные недостатки в целом диссертационное исследование М.В.Пронина является серьёзным филологическим трудом и производит благоприятное впечатление. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы в курсах по теории литературы и истории русской поэзии второй половины XX – начала XXI веков, а некоторые положения работы представляют интерес для исследований на стыке литературоведения и лингвистики.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Основные положения работы представлены в семи статьях, пять из которых опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК.

В целом представленная к защите диссертация является серьёзным самостоятельным исследованием актуальной научной проблемы, отвечающим всем требованиям п. 9-10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842) и паспорту специальности 5.9.3 – Теория литературы. Автор исследования, Максим Вячеславович Пронин, заслуживает присуждения ему искомой учёной

степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры
русской литературы и методики её преподавания
Института филологии и межкультурной коммуникации
федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования
«Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Артем Эдуардович Скворцов

Адрес организации:

420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Сведения об оппоненте:

Тел.: +7 917 904 26 03

Электронная почта: bireli@inbox.ru

4.05.2026

